

Тот житель деревни испуганно попятился, но лишь еще больше уверился в том, что стоящий перед ним мальчик — это дитя демонов, приносящее несчастья.

— Тодзи, Тодзи! — с тревожной ноткой в голосе громко окликнул его Оцува но Тиё.

Маеха поднял руку, Оцува но Тиё превратился в сгусток энергии, после чего мальчик насильно вселил его в свое тело.

В следующее мгновение гордость стоявшего перед ним мужчины была перечеркнута — его шея оказалась перерезана, алая кровь брызнула во все стороны. Остальные прибежавшие сельчане исказились от ужаса, но никто из них не побежал. Вооружившись топорами, мотыгами, кухонными ножами и прочей утварью, они уставились на Маеху.

Это было дитя демонов, они должны убить его, должны защитить свои семьи, должны отомстить за погибших.

Маеха достал короткий нож, который дал ему Дзёдзё. Словно отзываясь на его жажду убийства, невероятно тяжелое доселе оружие вдруг стало легким, и мальчик отчетливо ощутил исходящее от клинка возбуждение и кровожадность.

Маеха бросился в самую гущу толпы с такой невероятной скоростью, что эти люди даже не успели среагировать. Фонтаны крови оросили землю, окрашивая ее в багровый цвет.

— Тодзи, остановись! Если ты и дальше будешь так использовать мою силу, то полностью обрешь духовное зрение, и закрыть его уже не удастся! Будучи человеком, ты не сможешь выдержать мощь духовного зрения, остановись! Тодзи, остановись! — отчаянно и бессильно кричал Оцува но Тиё из глубин тела Маеха.

Крики ужаса и проклятия, обида и досада, боль и страх... Из-за вселения Оцува но Тиё Маеха обрел духовное зрение и теперь принимал на себя всю тяжесть этих чересчур бурных эмоций. Его и без того омраченное сердце погружалось во все более непроглядную тьму.

Он убьет этих людей! Этих мерзких тварей, недостойных жить в этом мире!

Голос Оцува но Тиё постепенно затихал.

Как он сам и говорил, видеть его способны лишь обладатели чистых и непорочных сердец, а Маеха, уже ступивший на путь тьмы, больше не мог ни слышать его, ни видеть.

В конце концов Маеха застыл посреди горы трупов, с ног до головы испачканный чужой кровью.

А в ушах продолжали звучать голоса:

Какой хорошенький мальчишка, похоже, его еще никто не трогал!

Урожай в этом году никуда не годится, вместо всяких там жертвоприношений Ито Цюаню лучше устроить жертвоприношение живых людей!

Нас всего трое братьев, с какой стати я один должен содержать отца! Этот старый хрыч целыми днями обнимается со своими лекарствами, но никак не отбросит коньки, умер бы пораньше — всем было бы легче!

— Замолчите! — Маеха зажал уши руками, но голоса все равно настойчиво пробивались в его

мозг. Вместе с ними накатывали те же негативные, мрачные эмоции, грязные и жестокие желания.

Строго говоря, до него доносились и добрые, благожелательные голоса.

Но от этого становилось лишь тошно: одновременно радостно и больно, наивно и жестоко. Все эти разномастные голоса и эмоции спутались в один безумный клубок, способный лишь свести человека с ума.

Он уже прекратил процесс вселения, однако духовное зрение не закрывалось. Он кричал: «Тиё, Тиё, помоги мне! Как же тяжело! Спасите! Как больно!»

Но вокруг не было ни души — лишь он один, стоящий посреди пелены трупов.

На самом деле Оцува но Тиё стоял рядом с ним, по его щекам текли слезы, он произносил успокаивающие слова и безуспешно пытался протянуть руку и коснуться его.

Но Маеха ничего этого не видел, не слышал и не чувствовал. Ему казалось, будто он совершенно одинок в этом море тел, всеми брошенный и забытый.

— А-а-а-а-а-а!!!!!!! — Маеха рухнул на колени. Тьма в его сердце неизбежно порождала свирепых мстительных духов, а собственная духовная сила мальчика делала этих порожденных монстров куда ужаснее обычных. Огромный черный монстр постепенно проявлялся, издавая свирепый рев, и раззявил свою ужасающую пасть на Маябу.

Внезапно тело чудовища исказилось и разорвалось на части, после чего оно с криком взорвалось в воздухе и исчезло.

Цун Цин щелкнула пальцами, и невидимый для обычных людей барьер накрыл Маябу.

Маяба лишь почувствовал, как звуки вокруг внезапно стихли, мир погрузился в тишину, и он без сил повалился на усыпанную кровью и трупами землю, тяжело и часто задышав.

— Послушай, малыш Маяба, не прошло и двух часов с моего ухода, как ты умудрился довести себя до такого состояния. — Цун Цин присела перед ним на корточки, протянула руку, приподняла его подбородок, изогнула брови и с одобрением произнесла: — Впрочем, окровавленным ты и правда выглядишь красивее, чем обычно.

С этими словами она отпустила его, Маяба снова рухнул на землю и потерял сознание.

— Эй, на тебе ни царапины, чего притворяешься мертвым, развалившись на земле! — скучающим взглядом Цун Цин оглядела побледневшего Маябу, который уже отключился.

— Хоть капля совести у тебя есть?! — взревел Опо Чиёе. — Неужели нельзя было его успокоить?

— Прошу прощения, но среди моих профессиональных навыков нет роли заботливой старшей сестры. — Цун Цин пожала плечами. — Это ты, разве тебе не поручили присматривать за ним? — Она посмотрела на поверженного Маябу и усмехнулась: — Твои навыки ухода еще превосходнее моих! Стоило отлучиться на мгновение, как он уже едва не отбросил концы.

Опо Чиёе зловеще уставился на нее, а затем разочарованно опустил голову и, приняв вид брошенного зверька, жалобно пробормотал:

— Мальчик, ступивший во тьму, больше меня не видит.

— Мм, неужели? — с любопытством посмотрела на него Цун Цин. Хорошенько позаботься о нем! — Отопэ Тиё посмотрел на нее. — Быть может, ты думаешь, что видишь меня лишь потому, что сама слишком сильна. Но мне хочется верить, что дело не только в силе: главная причина в том, что на самом дне твоего сердца тоже наверняка остался чистый и мягкий уголок.

Сказав это, он удалился.

Он больше не мог оставаться рядом с Мальчиком — его присутствие влияло на духовную энергию ребенка, делая ее еще более неуправляемой. Цзун Цин провожала его взглядом, пока он не скрылся, а затем притянула Ма Е к себе, грубовато отерев ему лицо рукавом, и подхватила на руки, подняв поперёк туловища.

Осталось ли на дне её сердца что-то чистое и мягкое? Цзун Цин презрительно усмехнулась: для такой ведьмы с разноцветными глазами, как она, не было критики суровее этой.

Отыскав местечко почище, она бросила Ма Е на землю, раздобыла немного еды и уселась рядом, жуя на ходу и ожидая, когда он придёт в себя. Ма Е, казалось, погрузился в кошмар. Он спал крайне беспокойно: бледный, с горестным выражением лица, он то и дело бормотал что-то неразборчивое во сне.

Цун Цин из-за него потеряла всякое терпение, ей не давали спокойно даже поесть. Поколебавшись между тем, чтобы выбросить его вон или притянуть к себе, она наконец остановила взгляд на его изящном и красивом лице, протянула руку, втащила его в объятия и решительно постановила: лучше притянуть к себе и воспользоваться моментом!

Цун Цин обнимала многих людей, и почти все они без исключения были красавцами. Но как правильно держать ребенка — в этом она, по правде говоря, была изрядно запутана.

К счастью, Ма Е сам собой забился к ней в объятия, словно ища защиты, крепко обнял ее и действительно успокоился.

Только бы он не принял ее за матушку! У Цун Цин дернулся уголок рта. В конце концов, хотя она и находила забавной всю эту историю с материнством, но если бы она сама вдруг захотела стать матерью, это определенно стало бы предзнаменованием скорой смерти.

<http://bllate.org/book/20834/2099547>